

Патрушев Сергей

Дочь Льда
и Сын Тьмы

Сергей Патрушев

Дочь Льда и Сын Тьмы

«Автор»

2026

Патрушев С.

Дочь Льда и Сын Тьмы / С. Патрушев — «Автор», 2026

В мире, где магия — это проклятие, а Империя разрушается изнутри, встречаются двое изгоев. Элронд, падший жрец, чья тьма способна сжигать города, и Лирия, эльфийка-целительница, чья ледяная точность не знает промаха. Их нанимает таинственный Хранитель, чтобы остановить пробуждение древнего Дракона. Пройдя через предательство, магические катастрофы и гражданскую войну, они понимают: истинное зло носит человеческие лица. Чтобы спасти мир, им придется разрушить его до основания, став «Пеплом», из которого родится нечто новое. История о цене магии, безумии и любви, выкованной в огне Бездны.

© Патрушев С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Пепел и Лёд	5
Глава 2. Призрак на Мосту	13
Глава 3. Пропавшая Графиня	19
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Сергей Патрушев

Дочь Льда и Сын Тьмы

Глава 1. Пепел и Лёд

Ветер спускался по ущельям, цепляясь за острые, как бритва, сколы черного базальта, и был в расщелинах так, словно сами камни оплакивали свою вечную неподвижность. Здесь, на высоте трех тысяч локтей над уровнем Внутреннего моря, воздух был разреженным и колким. Каждый вдох обжигал легкие, а выдох мгновенно обращался в облачко пара, которое ветер безжалостно срывал с губ и уносил в пропасть.

Лирия остановилась, припав к ледяному выступу. Ее дыхание было ровным, почти беззвучным. За пятнадцать лет наемничества тело научилось экономить кислород лучше, чем легкие обычного человека. Она стянула с лица шерстяную маску, обнажив высокие, четко очерченные скулы и глаза цвета штормового неба. Холод тут же впился в кожу, но Лирия лишь прищурилась, всматриваясь в серую муть надвигающейся бури.

Снег здесь был не белым. Он лежал серыми, слежавшимися пластами, пропитанными вулканической пылью, которую постоянно извергал спящий южнее хребет. Пепел. Он был везде: в воде, в хлебе, в легких. Он дал название их гильдии.

— Дыши через шарф, ледышка, — хриплый голос Элронда прозвучал прямо за ее спиной.

Лирия не вздрогнула. За годы совместных контрактов она так и не привыкла к его манере передвигаться — бесшумно, словно тень, лишенная веса. Для человека, закованного в тяжелую, покрытую рунической вязью черную броню, он двигался с пугающей грацией хищной кошки.

— Если я натяну шарф на нос, — не оборачиваясь, ответила она, — то не услышу, как ты снова попытаешься подкрасться ко мне со спины. И случайно всажу стрелу тебе в колено. В левое. Оно у тебя чуть хуже регенерирует.

Элронд хмыкнул. Звук был похож на скрежет камней. Он подошел и встал рядом, глядя в ту же сторону, что и она.

Внизу, в чашеобразном углублении, образованном сходом древнего ледника, виднелось логово. Черная дыра в склоне горы, из которой тянуло смрадом немытого тела, застарелой кровью и кислым молоком — запахом горных троллей.

— Трое, — сказала Лирия. — Один у входа, греет брюхо. Второй внутри, судя по тени, ковыряет в зубах костью горного козла. Третий... — она замолчала, прикрыв глаза.

— Третий спит, — закончил за нее Элронд. — Я чувствую его сны. Они тупые, как речной валун. Снится теплая грязь и то, как он давит людей. — Стандартный набор, — кивнула Лирия. — Заказ гильдии «Пепел». Очистить перевал для каравана гильдии «Медь». Гильдия «Медь» платит гильдии «Пепел». Гильдия «Пепел» платит нам. А мы делаем грязную работу. Красиво, правда? — Это работа, — отрезал Элронд. — И за нее платят золотом, а не красивыми словами.

Он был прав. Элронд, бывший верховный жрец Культа Глубинной Ночи, изгнанный из ордена за «излишнюю творческую интерпретацию догматов», ценил в жизни только две вещи: эффективность и золото. Власть, которой он жаждал, сидя на резном троне в черном соборе, оказалась иллюзией. Боль от вырванных при изгнании глаз — реальностью. Теперь на месте глазниц у него пульсировали два сгустка первородной тьмы, прикрытые полосками зачарованной кожи. Он не видел свет. Он видел тепло, потоки магии и структуру страха.

Лирия видела иначе. Ее эльфийское зрение, усиленное десятилетиями практики, различало каждую трещинку на камне в ста шагах от нее. Она была стрелком. Но не просто стрел-

ком. Ледяной лук из зачарованного ясеня, который она носила за спиной, был продолжением ее воли.

— План не меняется? — спросила она. — Твой выстрел — их уши. Мой вход — их кишки, — Элронд медленно вытащил из ножен фальшион. Лезвие клинка не отражало тусклого света — оно поглощало его, казалось, делая сумрак в ущелье еще гуще. — Не тяни. У меня от этого запаха начинается изжога.

Лирия ничего не ответила. Она опустилась на одно колено, прямо на лед. Расстегнула колчан. Стрелы внутри тоже были черными, с наконечниками из обсидиана и древками, обмотанными кожей василиска для идеального скольжения. Она достала одну.

Закрыв глаза, она положила пальцы на тетиву. Это был не просто натяг лука. Это был ритуал. Она потянула из воздуха вокруг себя не просто холод, а самую суть замерзшей воды. Молекулы замедляли свой бег. Влага, висящая в воздухе, начала кристаллизоваться прямо на ее ресницах. Лук в ее руках начал покрываться тонкой изморозью.

Она открыла глаза. Мир вокруг изменился. Цвета поблекли, остались лишь оттенки серого, черного и ослепительно-белого — белого от колоссального скопления жизненной силы в груди тролля у входа. Она видела, как бьется его огромное, размером с ведро, сердце. Она видела, как пульсирует кровь в его толстой шее.

Тетива щелкнула.

Звук был не громче, чем треск лопнувшей льдинки. Стрела сорвалась с ложа, оставляя за собой едва заметный шлейф морозного пара. Она преодолела сто пятьдесят шагов за долю секунды.

Троль у входа — двенадцатифутовая гора гнилых мышц и зеленоватой шерсти — в этот момент как раз наклонился, чтобы отхлебнуть из бурдюка. Стрела вошла точно в то место, где череп соединялся с позвоночником. Обсидиановый наконечник, зачарованный на пробитие толстой шкуры, не просто пробил кость — он впитал в себя жар огромного тела и мгновенно расширился, превратившись внутри черепа в шесть ледяных лезвий.

Троль умер мгновенно. Его мозг замерз быстрее, чем тело успело осознать боль. Огромная туша беззвучно завалилась набок, скатившись на пару локтей по склону и замерла. Из раны тонкой струйкой повалил пар.

Второй тролль внутри пещеры взревел. Не от страха — от ярости. Он был слишком туп, чтобы бояться. Он схватил свою тяжелую дубину из цельного ствола железного дерева и ринулся наружу, на свет.

Элронд шагнул ему навстречу. Он не побежал. Он просто сделал шаг с края уступа, на котором они стояли, и приземлился в десяти шагах от пещеры, подняв облачко пепла.

— Мясо, — прорычал тролль, занося дубину.

Элронд не стал блокировать удар. Он скользнул под него, двигаясь настолько быстро, что его черная броня слилась с тенью. Троль ударил в пустоту.

Элронд выпрямился вплотную к монстру. Для существа таких размеров человек должен был казаться назойливой мухой, но Элронд смотрел на него снизу вверх из своих темных глазниц без малейшего трепета. Он положил руку в латной перчатке на волосатое бедро тролля.

Из-под его ладони вырвался не огонь. Из нее вырвалась абсолютная тьма. Она не светилась, она была дырой в самой реальности. Эта тьма не жгла — она высасывала. Она вцепилась в ногу тролля, и плоть начала стремительно иссыхать, чернеть и осыпаться пеплом, обнажая желтоватую кость. Троль взревел снова, но на этот раз в реве было отчаяние. Он попытался ударить человека свободной рукой, но Элронд уже был у его бока. Короткий, экономный выпад фальшионом — и клинок вошел под ребра, пронзив легкое.

Элронд провернул лезвие. — Спи, — сказал он в ухо чудовищу.

Он вырвал клинок, отступил на шаг и позволил тьме, стекавшей с его пальцев, окутать голову тролля. Чудовище пошатнулось, сделало еще один неуверенный шаг и рухнуло лицом в пепел, подмяв под себя собственную дубину.

Третий тролль, спавший в глубине, так и не проснулся. Лирия, уже стоявшая на краю пещеры, выпустила вторую стрелу. Звук был тот же — тихий треск льда. Стрела вошла спящему точно в глаз, пробив кость и выпрыснув ледяную смерть прямо в центр мозга.

В пещере воцарилась тишина, нарушаемая лишь воем ветра снаружи и тяжелым дыханием Элронда. Магия Пепла и Тени отнимала много сил, даже у него.

Лирия вошла внутрь, перешагнув через дымящиеся останки. Она провела рукой по стене, стирая копоть. — Чисто, — констатировала она. — Гильдия «Медь» сможет провести свои телеги с рудой. Если, конечно, их быки не сдохнут от горной болезни по дороге. — Их проблемы, — Элронд методично вытирал фальшион о шерсть мертвого тролля. — Где наш аванс?

Лирия подошла к самому крупному из убитых, присела и без малейшего отвращения запустила руку в его вонючую сумку, притороченную к поясу. Выудила тяжелый кожаный кошель. Взвесила его на ладони. — Здесь. Сорок импералов. Чистыми. Старик Гривус не обманул. — Старик Гривус боится нас больше, чем троллей, — Элронд убрал меч в ножны. — И правильно делает.

Они вышли из пещеры. Буря, висевшая над горами, наконец обрушилась вниз. С неба полетел густой, тяжелый снег, смешанный с пеплом. Мир вокруг превратился в бело-серую стену.

Спуск в долину Каэндвен занял остаток дня. Когда последние лучи солнца, багровые и тусклые, пробились сквозь пепельные тучи, они уже стояли на Западном тракте.

Каэндвен был городом контрастов, идеальным отражением мира, в котором они жили. Западная его часть, примыкавшая к горам, состояла из серых каменных барачков, кузниц и складов гильдии «Медь». Дым сотен печей сливался с пепельными тучами, делая небо над этим районом абсолютно черным даже днем. Здесь пахло потом, углем и дешевым элем.

Восточная часть, отделенная от промзоны широкой рекой Стылой, принадлежала гильдии «Пепел» и аристократии. Там, среди садов, которые магия едва удерживала от замерзания, стояли белокаменные виллы с колоннами. Там горели газовые фонари, и снег на мостовых был убран.

Гильдия «Пепел» располагалась в бывшем храме какого-то забытого бога солнца. Ирония была настолько густой, что ее можно было резать ножом. Величественный портик с барельефами улыбающихся божеств был покрыт слоем жирной сажи. Статуи в нишах лишились лиц — их отбили то ли вандалы, то ли время.

Внутри пахло кислым вином, мокрой кожей и дешевыми свечами. Зал был полон наемников. Кто-то пил, кто-то точил оружие, кто-то сшивал распоротую на прошлой неделе кольчугу. На всех были одинаковые серые плащи с вышитой на спине черной гарпией — символом гильдии.

Лирия и Элронд не стали снимать свои капюшоны. Они прошли через гомонящую толпу, которая инстинктивно расступалась перед ними. Лирию уважали за смертоносную точность и ледяное спокойствие. Элронда боялись. От него веяло могильным холодом и безумием, которое он держал на коротком поводке, но которое в любой момент могло сорваться и сожрать половину зала.

Их целью была дверь в дальней стене, обитая листовым железом. Кабинет Гривуса.

Старый Гривус сидел за массивным столом из мореного дуба. Когда-то он был одним из лучших клинков Севера, но потерял ногу и три пальца на левой руке в битве за Медные копи. Теперь он торговал смертью, сидя в инвалидном кресле, которое приводилось в движение сложной системой шестеренок.

На столе перед ним стояла пустая бутылка и два кожаных кошель. — Явились, — скрипел он, не поднимая глаз от бумаг. — Быстро управились. Думал, до завтра провозитесь, эти северные тролли в последнее время стали жирнее. — Мы берем не весом, — бросила Лирия, бросая на стол их кошель. — Считай.

Гривус хмыкнул. Его единственный здоровый глаз, мутный и старый, посмотрел на Элронда. — А ты, жрец? Твои услуги стоят дорого. Гильдия «Медь» просила передать, что их казначей плакал, когда отсчитывал долю для твоей тьмы. — Скажи казначею, что в следующий раз я могу прийти за платой лично, — ровным голосом ответил Элронд. — Тогда плакать буду я. От скуки.

Гривус побагровел, но промолчал. Он придвинул к себе счета и быстро защелкал костяшками. — Ваши сорок. Минус налог гильдии. Минус плата за пользование арсеналами. Минус... — Старик, — Лирия положила руку на рукоять кинжала. — Мы три дня мерзли в горах. Мы убили трех троллей. Мы не спали. Просто отдай то, что наше.

Гривус злобно зыркнул на нее, но убрал руки от счетов. Отодвинул в сторону один из кошель, стоявших на столе. — Двадцать пять. Как договаривались.

Элронд подошел, сгреб кошель со стола и спрятал его в подсумок на поясе. — Где следующий контракт? — спросил он. — Надеюсь, не в канализации? После троллей мне нужно что-то, что можно сжечь.

Гривус долго смотрел на них. Его взгляд перебегал с спокойного, прекрасного лица эльфийки на жуткие, скрытые повязками глазницы мага. — Вы слишком хороши для горной швали, — наконец сказал он. — И слишком дороги. Поэтому гильдия решила перевести вас в высшую лигу. — Если это заказ на голову герцога Каэндвенского, — Лирия сделала шаг вперед, — то мы уходим. Политика смердит хуже троллей. — Нет, — Гривус протянул руку и взял со стола третий предмет. Тонкий конверт из плотной, дорогой бумаги, запечатанный сургучом с оттиском, которого Лирия никогда раньше не видела. Это был не герб гильдии. Это был сложный геометрический узор, в центре которого пульсировала, казалось, настоящая, живая тьма. — Это не от гильдии. Это частный заказ. Посредник просил именно вас. Сказал, что вам двоим... будет интересно.

Элронд взял конверт. Он не стал вскрывать его здесь. Он просто провел над сургучом пальцем, и тьма, стекавшая с его руки, на мгновение коснулась печати. Лирия почувствовала, как по спине пробежал мороз, не имеющий ничего общего с холодом гор. Магия конверта была древней. И голодной.

— Кто посредник? — спросила Лирия. — Не знаю, — пожал плечами Гривус. — Он пришел в мой сон. Оставил конверт на подушке. Когда я проснулся, он лежал на столе. Оплата — тысяча империалов. Аванс — триста. В конверте.

Лирия и Элронд переглянулись. Тысяча империалов. За эти деньги можно купить баронство на юге или оснастить небольшую армию. За такие деньги не просят зачистить логово троллей. За такие деньги просят начать войну или убить короля.

— Где и кого? — Элронд сунул конверт за пазуху, во внутренний карман плаща, подальше от чужих глаз. — Не здесь, — Гривус впервые за вечер позволил себе подобие улыбки, обнажив гнилые зубы. — Посредник сказал, что будет ждать вас в «Слепом фонаре». Сегодня. В полночь. Сказал, что вы придете. — «Слепой фонарь» — это притон в Нижнем городе, — поморщилась Лирия. — Там режут людей за медную монету. — А вы идете туда за золотой, — хмыкнул Гривус. — Чувствуете разницу? Идите. И... будьте осторожны. От этого заказа пахнет не пеплом. От него пахнет чем-то старым. Тем, что спало под горами задолго до того, как первый тролль вылез на свет.

Они вышли из кабинета, оставив старика наедине с его бутылкой. В общем зале наемники продолжали пить и орать песни. Никто не обратил внимания на то, как двое лучших клинков гильдии покинули здание, даже не оглянувшись.

На улице пепел падал с неба сплошной стеной. Каэндвен тонул в серой мгле. Лирия плотнее запахла плащ. Холод, который она всегда носила внутри себя, сейчас казался ей единственным спасением от липкого, незримого страха, оставленного конвертом.

— Тысяча империалов, — пробормотала она, когда они свернули в темный переулок, ведущий к реке. — Нам дадут задаток, — ответил Элронд. Его голос звучал глухо. — Триста монет. Этого хватит, чтобы полгода не работать. Мы можем взять их и исчезнуть. Уехать на юг. К морю. — Ты хочешь к морю? — Лирия скосила на него глаза. — Я хочу спать, не видя во сне чужую агонию, — признался он. — Но мы не поедем. — Почему? — она остановилась. — Элронд, этот заказ может стоить нам голов. Гривус сам сказал, что это пахнет древностью. Древняя магия не платит золотом просто так. Она требует душу. — Я продал свою душу двадцать лет назад, — он повернулся к ней. Его скрытые повязкой глаза, казалось, смотрели сквозь нее, прямо в центр ее ледяного сердца. — И знаешь, что я понял, Лирия? Дешево отдал.

Он сделал шаг ближе, сократив расстояние между ними до опасного минимума. Она чувствовала жар его тела, пробивающийся сквозь стальную броню, и могильный холод магии, который этот жар пытался сдержать. — Они знают наши имена, — сказал он тихо, так, чтобы слышала только она. — Тот, кто прислал этот конверт. Он не нашел бы нас в снах Гривуса, если бы не искал специально. Он знает, кто ты. Он знает, кто я. Он знает, что мы — лучшее оружие, которое можно купить за деньги. Но он не покупает нас. Он зовет. — И мы идем? — голос Лирии дрогнул впервые за вечер. — Мы идем, — кивнул Элронд. — Потому что я устал убивать троллей за сорок империалов. И потому что... — он на мгновение запнулся, — мне чертовски любопытно, кто в этом городе настолько богат и безумен, чтобы швыряться тысячами за визит двух таких, как мы.

Он развернулся и пошел дальше по переулку, его черный силуэт быстро растворялся в пепельном тумане.

Лирия постояла еще мгновение, глядя ему вслед. Затем коснулась рукояти своего лука. Лед под пальцами привычно отозвался успокаивающим холодом.

Она глубоко вдохнула пахнувший гарью воздух Каэндвена и шагнула во тьму следом за ним.

Таверна «Слепой фонарь» оправдывала свое название. Она находилась в такой глубокой яме Нижнего города, что сюда не проникал даже пепельный снег. Света здесь не было. Освещение давали лишь редкие гнилушки, плавающие в лужах нечистот, да тусклое, болезненное свечение грибов, росших прямо из гниющих бревен стен.

Внутри стоял такой густой смрад гниения, пота и дешевого опиумного масла, что Лирии пришлось накинуть на лицо шарф, пропитанный лавандой. Элронд, напротив, дышал ровно. Для него, видевшего мир через потоки магии, запахи не имели значения. Он видел людей как пульсирующие сгустки тепла, а скрытые в тених ножи — как разрывы в тепловом фоне.

За стойкой из неструганных досок стоял хозяин — одноглазый верзила, чье лицо напоминало старую карту шрамов. Он молча кивнул им, когда они вошли. В этом месте появление двух фигур, от одной из которых веет аристократическим холодом, а от другой — смертью, не вызвало даже удивления. В «Слепой фонарь» приходили умирать, убивать или продавать то, что нельзя продать на свету.

Их ждали.

В самом дальнем углу, за столом, который утопал в абсолютной, неестественной темноте. Даже гнилушки избегали этого места. Лирия прищурилась, пытаясь пробить мрак своим зрением, но там была пустота. Идеальная, поглощающая свет пустота.

— Я начинаю сомневаться в платежеспособности нашего нанимателя, — тихо сказала Лирия, когда они подошли к столу. — Здесь даже крыс нет. — Крысы умнее нас, — ответил Элронд. — Они чувствуют, когда смерть меняет хозяина.

Из темноты раздался голос. Он не был громким, но прозвучал так, словно говорящий сидел прямо у них в головах. Голос был лишен возраста и пола, он был сухим, как шелест осенних листьев. — Вы пунктуальны. Это редкое качество для тех, кто предпочитает решать вопросы сталью.

Лирия положила руку на кинжал. Элронд остался неподвижен, лишь его пальцы чуть заметно шевельнулись, сплетая в кармане плаща защитный узор из теней. — Покажись, — потребовал маг. — Я не люблю разговаривать с темнотой. Я сам — темнота. Разговор получается скучным.

Темнота в углу стола вздохнула. А затем начала сгущаться, обретая форму.

Это не был человек. И это не был тролль. Фигура, выпрямившаяся во весь немалый рост, была закутана в мантию цвета самой глубокой ночи. Капюшон был надвинут так низко, что под ним не было видно ничего. Но Лирия чувствовала на себе взгляд. Он был тяжелым, древним и абсолютно лишенным человеческих эмоций.

На столе между ними возник свет. Не факел и не свеча. Просто сфера чистого, холодного белого пламени, зависшая в воздухе. Она осветила нанимателя.

Лирия едва сдержала вздох. Под капюшоном не было лица. Там была гладкая, отполированная до блеска маска из черного обсидиана. В ней не было прорезей для глаз или рта. Но когда существо заговорило, поверхность маски пошла рябью, и на ней проступили светящиеся белым руны. — Меня зовут Хранитель Равновесия, — произнес голос. — И у меня есть для вас работа, для которой вы были рождены. — Мы не рождены для работы, — огрызнулась Лирия. — Мы наемники. Говори цену и цель. У меня мерзнут ноги.

Маска на мгновение замерла. Казалось, существо оценивает степень ее наглости. — Цель находится в трех днях пути отсюда, — проигнорировав ее слова, продолжил Хранитель. — На Пике Ветров. Там стоит Башня Первой Зимы. Древняя обсерватория, построенная до Войн Разлома. — Там ничего нет, кроме ветра и костей безумных магов, — сказал Элронд. — Я чувствую это место. Оно кричит. Старые заклинания до сих пор рвут там ткань реальности. — Вы правы, — согласилась маска. — Там много костей. Но мой интерес представляет то, что скрыто в самом сердце Башни. Артефакт. Зеркало. — Зеркало? — Лирия фыркнула. — За тысячу империалов я могу купить себе серебряное зеркало в полный рост и еще останется на пару борделей. — Это не простое зеркало, — руны на маске вспыхнули чуть ярче, и Лирия почувствовала, как ее ледяной лук на спине стал невыносимо холодным, словно пытался предупредить ее. — Это Око Бездны.

Элронд резко подался вперед. Его скрытые тьмой глазницы, казалось, расширились. — Миф, — прошипел он. — Сказка, которой пугают учеников. Око Бездны было уничтожено в Эпоху Пламени. Архимаг Иллюмин сжег его вместе с собой, чтобы запечатать Разлом. — Архимаг Иллюмин сжег лишь физическую оболочку, — поправил его Хранитель. — И он не запечатал Разлом. Он лишь вбил в него затычку из собственной души. Затычка сгнила. Разлом снова сочится. И Око... оно чувствует это. Оно начинает пробуждаться. Оно зовет. — Зачем оно тебе? — прямо спросил Элронд.

Повисла тяжелая пауза. Даже пьяные крики в дальнем углу таверны стихли, словно сама тень Хранителя подавила их. — Чтобы разбить его, — наконец ответил Хранитель. — Прежде, чем оно откроет глаза полностью. Если Око Бездны посмотрит на этот мир, Каэндвен, Зубастые горы и все земли до самого Южного океана превратятся в стекло. Время пойдет вспять, плоть станет камнем, а камень — пылью. Я хочу, чтобы вы поднялись на Пик Ветров, вошли в Башню, нашли Око и принесли его мне. Я сделаю остальное.

Лирия смотрела на черную маску. Она была наемницей с тех пор, как научилась держать лук. Она убивала людей, эльфов, троллей, магов и чудовищ. Но она никогда не имела дела с концом света. Это звучало слишком... театрально. Слишком похоже на проповеди, которые она слышала в детстве в эльфийских лесах. — А если мы откажемся? — спросила она. — Вы

не откажетесь, — голос Хранителя стал вкрадчивым. — Потому что я знаю, Лирия из клана Серебряных Ветвей, почему ты покинула Великий Лес. Я знаю, что ты ищешь. И я знаю, где это находится. Око Бездны — это ключ. Ключ к тому, что было отнято у тебя.

Лирия почувствовала, как кровь отхлынула от ее лица. Лед внутри нее, который она всегда считала своей сутью, дал трещину. Откуда он знает? Об этом не знал никто. Даже Элронд, с которым она делила постель и кровь на протяжении пяти лет, не знал истинной причины ее вечной, выжигающей изнутри тоски.

— А ты, Элронд, Падший из Глубин, — Хранитель повернул свою безликую голову к магу. — Ты ищешь искупления. Ты думаешь, что, сжигая троллей и разрывая плоть тенями, ты платишь по счетам за то, что сделал в Черном Соборе. Но тьма, которую ты носишь в себе, никогда не насытится. Она пожрет тебя, Элронд. Через год. Через месяц. Через неделю. Я могу дать тебе покой. Настоящий покой. Не забвение, которое ты ищешь на дне бутылки, а тишину. Но для этого Око должно быть у меня.

Элронд молчал. Лирия видела, как его руки, лежащие на столе, сжались в кулаки с такой силой, что затрещали кожаные перчатки. Он боролся с собой. Искушение было слишком велико. Падший жрец, продавший тысячи душ ради власти, больше всего на свете хотел просто перестать чувствовать вину.

— Аванс, — хрипло сказал он, не поднимая глаз.

Хранитель щелкнул пальцами.

С потолка, прямо в центр стола, упал тяжелый кошель. Он был сделан не из кожи. Он был шит из чешуи, которая все еще слабо светилась внутренним светом. — Триста империалов, — сказал Хранитель. — Остальное, когда принесете мне Око. — Как мы узнаем Башню? — спросила Лирия, заставляя свой голос звучать ровно. — Пик Ветров велик. — Вы узнаете, — ответила маска. — Око позовет вас. Как позвало меня, чтобы я нашел вас. Оно уже начало петь. Прислушайтесь. Вы слышите этот звон? Высокий, на грани слуха. Как треск льда.

Лирия затаила дыхание. Сначала она слышала только биение собственного сердца и тяжелое сопение пьяницы за соседним столом. Но потом... потом, сквозь слои пепла, камня и нечистот, она действительно услышала его. Тонкий, хрустальный звон. Он был невыносимо красивым и невыносимо печальным. Он обещал забвение. Он обещал конец боли.

— Вы выступаете завтра, — произнес Хранитель, и сфера белого света над столом начала гаснуть. — Идите через Перевал Мертвых. Там сейчас нет патрулей — гильдия «Медь» боится сунуться туда из-за лавин. Идите быстро. Чем дальше Око поет, тем тоньше становится грань. И тем сильнее оно меняет тех, кто рядом. — Что будет, если мы решим оставить его себе? — спросил Элронд в темноту, которая снова начала поглощать фигуру нанимателя. — Вы не сможете, — донесся ответ. — Оно сломает ваши разумы. Оно покажет вам то, чего вы желаете больше всего, а затем заберет это, оставив лишь пустую оболочку. Принесите его мне. Это единственный способ выжить. Для вас. И для всего мира.

Фигура исчезла. Не ушла через дверь, не растворилась в тени — она просто перестала быть. На столе остался лишь кошель из чешуи и сфера белого огня, которая теперь медленно угасала, роняя на доски капли чистого света.

В таверне снова стало шумно. Кто-то грохнул кружкой, кто-то затянул похабную песню. Мир вернулся в свое привычное, грязное русло.

Лирия сидела, глядя на свои руки. Они не дрожали. Эльфы не дрожат. Но лед внутри нее больше не был спокойным. Он бился в панике. — Он знает про Лес, — прошептала она. — Он знает про всех нас, — Элронд взял кошель. Чешуя была теплой. — Лирия... — он впервые за вечер назвал ее по имени при посторонних, и в его голосе не было привычной стали. Там была усталость. — Он лжет. Всем лжет. Он играет на наших ранах. — Пусть лжет, — она наконец посмотрела на него. В ее глазах цвета штормового моря стояли слезы, но они не проливались.

— Какая разница, Элронд? Тролли, герцоги, конец света... Какая разница, от чего умирать? По крайней мере, от этого звона в ушах у меня хотя бы перестанет болеть голова.

Элронд долго смотрел на нее. Затем он протянул руку через стол и накрыл ее ладонь своей. Его пальцы были горячими, почти обжигающими. — Мы не умрем, — сказал он. — Я не позволю. Я задолжал тебе слишком много теней.

Он сжал ее руку, забрал со стола аванс и встал. — Идем, — бросил он. — До Перевала Мертвых два дня пути. И мне очень не нравится, как поет этот лед.

Они вышли из «Слепого фонаря» обратно в пепельную ночь Каэндвена. Город спал, задыхаясь в собственных миазмах. Впереди их ждали мертвые перевалы, безумная магия древних и артефакт, способный уничтожить мир.

Но сейчас, шагая сквозь тьму, Лирия думала не об Оке Бездны. Она думала о том, что впервые за пятнадцать лет кто-то предложил ей не просто золото. Ей предложили шанс. И ради этого шанса она была готова заморозить весь мир до самого основания.

Глава 2. Призрак на Мосту

Пик Ветров остался далеко на севере, скрытый за пеленой пепельных бурь. Око Бездны не пело больше — оно лишь изредка напоминало о себе глухим, давящим гулом в костях, похожим на стон умирающего кита. Хранитель Равновесия растворился в тенях «Слепого фонаря», оставив после себя триста империалов в чешуйчатом кошеле и ледяную занозу в сердце Лирии.

Они решили не ехать сразу. Три дня пути до Перевала Мертвых можно было растянуть на неделю. Элронд сказал, что им нужно «прислушаться к эху», но Лирия знала правду: им обоим нужно было просто поспать в нормальной постели, не ожидая, что из темноты на них выпрыгнет конец света.

Они спустились с предгорий в долину Серебряной реки, где воздух был чуть чище, а пепел не хрустел на зубах при каждом вдохе. Дорога привела их в городок под названием Тихая Заводь.

Название было издевательством. Заводь не была тихой. Она была мертвой.

Дома с заколоченными окнами, перевернутые телеги, заросшие лебедой огороды. Городок умирал медленно и мучительно. Река, давшая ему имя, обмелела, обнажив дно, покрытое жирной, маслянистой пленкой. Рыба ушла, торговля заглохла, а молодежь сбежала в Каэндвен или на рудники. Остались лишь старики, цепляющиеся за свои гниющие избы, как утопающие за обломки мачты.

Они остановились на постоялом дворе «Усталый путник». Здание выглядело так, будто вот-вот сложится внутрь себя от одного громкого чиха. Хозяин — седой, сгорбленный старик с руками, похожими на птичьи лапы, — молча принял их монеты.

— Кровати чистые? — спросил Элронд, сбрасывая с плеча тяжелую сумку. От него пахло озоном и усталостью. — Чистые, господин, — прошамкал хозяин, не поднимая глаз. — Только... вы бы поосторожнее на улицах после заката. — Разбойники? — Лирия точила свой кинжал о камень очага. Движения ее руки были плавными, гипнотизирующими. — Хуже, — хозяин перекрестился дрожащей рукой. — На Старом мосту призрак объявился.

Элронд и Лирия переглянулись. Призраки. После разговоров о зеркалах, способных превратить континент в стекло, бытовые полтергейсты казались чем-то вроде детской сказки. — Пугает? — уточнил маг. — Или ест? — Плачет, — ответил старик. — А от его плача у коров молоко киснет, у мужиков — головы болят, а у старухи Миры на прошлой неделе сердце встало. Господин градоначальник вторую седмицу награду обещает тому, кто нечисть изведет. Пятьдесят серебряных империалов. Только никто не идет. Боятся. Прошлый охотник, что из столицы приезжал, три ночи на мосту просидел, поседел весь и уехал, даже денег не взял. Сказал, там сама Смерть сидит.

Пятьдесят империалов. Для умирающего городка это состояние. Для двух наемников, у которых в планах стоял поход на Пик Ветров — сумма, которой хватит на пару хороших лошадей, теплые плащи из волчьей шкуры и запас эликсиров.

— Где найти градоначальника? — спросила Лирия, убирая кинжал в ножны.

Градоначальник жил в единственном каменном доме на площади. Когда-то это была ратуша, теперь — крепость отчаяния. Дверь им открыл сам глава города — тучный мужчина с красным, одутловатым лицом и глазами, полными вселенской тоски. Звали его Борин. — Наконец-то, — выдохнул он, пропуская их в жарко натопленную гостиную. — Я уж думал, придется самому с вилами идти. — Вилами призраков не берут, — Элронд прошел к камину, грея руки. Его доспехи тихо гудели, реагируя на близость открытого огня. — Рассказывайте. Только без крестьянских баек. Факты. — Факты... — Борин грузно опустился в кресло, жалобно скрипнувшее под его весом. — Факт первый: мост старый, имперской постройки. Каменный, три пролета. Стоит на тракте к Медным копиям. Факт второй: три месяца назад тракт опустел. Кара-

ваны пошли в обход, через Северные топи. Факт третий: месяц назад на мосту начало чудиться. Сначала просто туман по утрам. Густой, белый, как молоко. Потом в тумане фигура появилась. Высокая, в балахоне. Стоит на середине пролета и воет. — Как воет? — Лирия налила себе воды из глиняного кувшина. — Зверем? Человеком? — Никак. Звук... пустой. Словно ветер в пустой бочке. Но когда его слышишь, хочется в петлю лезть. Жить не хочется, господин хороший. Все из рук валится. Мой писарь, молодой парень, вчера пытался вены стеклом порезать. Успели отобрать. Сказал, голос ему велел.

Элронд повернулся от камина. Его скрытые повязкой глаза, казалось, потемнели еще сильнее. — Магия отчаяния. Классический почерк баньши или духа, привязанного к месту насильственной смерти. Что на мосту произошло? Убийство? Обвал? — В том-то и дело, что ничего! — всплеснул руками Борин. — Мосту сто лет, под ним никто не тонул, на нем никого не резали. Место чистое! Мы священника приглашали, из самого Собора Пламени. Он кадилом махал, молитвы читал три дня. Призраку хоть бы хны. Только поп сам потом три дня в углу сидел, трясся и твердил, что видел «глаза бездны». — Священники Культа Пламени видят бездну в каждой луже, — поморщился Элронд. — Это их профессиональная деформация. Мы беремся. Пятьдесят империалов. Аванс — двадцать. Остальное, когда дух упокоится. И нам нужны ключи от моста. Мы будем работать ночью.

Борин безропотно отсчитал монеты. Его пальцы дрожали от облегчения.

Старый мост встретил их холодом.

Солнце село за час до их прихода, но тьма здесь была особенной. Она не просто скрывала предметы — она давила. Лирия чувствовала это кожей. Воздух над рекой был плотным, вязким. Температура упала резко, градусов на десять ниже, чем на берегу. — Конденсация, — сказала она, выдыхая облачко пара. — Магическое охлаждение. Кто-то вытягивает тепло из камня. — Или кто-то очень не любит гостей, — Элронд ступил на мост первым.

Он шел медленно, слегка покачиваясь, словно пьяный. На самом деле он «слушал» ногами. Магия Пепла, текущая в его жилах, позволяла ему чувствовать структуру камня. — Камень старый, — бормотал он себе под нос. — Но в нем нет трещин, которые могли бы резонировать. Фундамент глубокий. Мост должен простоять еще век.

Лирия шла след в след. В отличие от Элронда, она полагалась на глаза и слух. Она сняла лук с плеча, но стрелу пока не накладывала. Вместо этого она достала из поясной сумки небольшой флакон с густой синей жидкостью. — Лечебная эссенция, — пояснила она, заметив взгляд мага. — Если это и правда баньши, ее крик рвет эфирное тело. Залью в глаза, если начнет визжать.

Они дошли до середины пролета. Туман, о котором говорил градоначальник, начал сгущаться. Он не поднимался от воды — он возникал прямо из воздуха, сплетаясь из нитей серого света. — Началось, — прошептал Элронд.

В центре моста, там, где сходились древние плиты, сформировалась фигура. Она не выросла из земли и не вышла из тумана. Она просто *сталатам*. Высокая, сгорбленная, закутанная в рваные серые лохмотья. Лицо скрывал глубокий капюшон.

Фигура медленно подняла руки и откинула капюшон назад. Лица не было. Вместо него клубился тот же серый туман, в котором тускло светились две точки. Но это были не глаза. Это были провалы, ведущие в абсолютную пустоту.

Призрак открыл рот.

Звука не было. По крайней мере, в привычном понимании. Лирия не услышала воя. Она *почувствовала* его костями. Это была волна абсолютной, концентрированной безысходности. Память о всех ее неудачах, о покинутом Лесе, о холоде, который она носила в себе годами, нахлынула разом, пытаясь раздавить волю.

Она пошатнулась. Рука с флаконом эссенции дрогнула. — Лирия! — рыкнул Элронд.

Он шагнул вперед, заслоняя ее собой. Его броня вспыхнула тусклым багровым светом — руны активировались, создавая щит. — Хватит скулить, — бросил он в лицо призраку. — Я слышал крики тысяч умирающих в Черном Соборе. Твое нытье — просто сквозняк.

Призрак замер. Его пустые глазницы уставились на мага. В них не было злобы, только бесконечная, всепоглощающая скорбь. Элронд протянул руку. Он не пытался ударить. Он сделал то, чего боялись делать светлые маги — он открыл свой разум навстречу духу.

Для обычного человека это означало бы безумие. Элронд же позволил потоку отчаяния влиться в себя. Он пил его, как пьют ледяную воду в жару. Его скрытые глаза закатились, из носа тонкой струйкой потекла черная кровь. — Ты не баньши, — прохрипел он, когда первая волна схлынула. — У баньши есть история. У тебя есть только... дыра. Кто ты?

Призрак снова открыл рот, но на этот раз звука не было вовсе. Вместо него в голове Элронда вспыхнуло изображение. *Старик. Седая борода, доброе лицо. Он сидит на берегу реки. Рядом с ним на траве разложены травы, корни, странные стеклянные колбы. Старик плачет. Слезы каплют в глиняную чашу. Он что-то шепчет, смешивая слезы с толченым серебром.*

Видение оборвалось так же резко, как и началось. — Иллюзия, — выдохнул Элронд, вытирая кровь. — Это не дух. Это проекция. Очень качественная, завязанная на эмоции, но все же проекция. — Где источник? — Лирия уже пришла в себя. Лед внутри нее отрезал эмоции от разума, оставив лишь холодный расчет. — Близко, — Элронд обвел взглядом опоры моста. — Под нами.

Они подошли к краю моста и посмотрели вниз. Река обмелела, но под центральной опорой, в глубокой нише, образованной размывом грунта, что-то темнело. Что-то, чего там быть не должно. — Старая дренажная труба, — сказала Лирия. — Имперские инженеры всегда оставляли пустоты для осмотра фундамента. — Там кто-то живет, — Элронд принял. — Пахнет сушеными травами, медом и... страхом. Животным, старческим страхом.

Спуск занял несколько минут. Вода в реке стояла ледяная, и когда они ступили на илистое дно, сапоги мгновенно промокли. Ниша под мостом оказалась просторной пещерой, скрытой от глаз с берега густыми корнями ивы.

В центре пещеры горел костер. Но горел он странно — зеленоватым, холодным пламенем, которое не давало тепла, лишь освещало пространство болезненным светом. У костра, сжавшись в комок, сидел человек.

Это был старик. Длинные седые волосы спутались в колтуны, борода покрылась инеем, хотя в пещере было относительно тепло. Он был одет в лохмотья, которые когда-то, вероятно, были дорогой мантией мага.

При их появлении старик вскинул голову. Его глаза были абсолютно безумными — расширенные зрачки, не реагирующие на свет. — Вы... вы пришли за мной? — прошептал он, дрожа. — Я не хотел зла. Клянусь, я не хотел. — Мы пришли за призраком, — Лирия шагнула вперед, держа лук наготове, но стрелу не накладывая. — Вы маг? — Иллюзионист, — всхлипнул старик. — Мастер световых форм. Был... до того, как они забрали все. — Кто «они»? — Элронд остался у входа, скрестив руки на груди. Его силуэт в доспехах казался изваянием из обсидиана. — Градоначальник... Борин... и его дружки, — слезы потекли по грязным щекам старика. — У меня была аптека. Лучшая в долине. Я лечил людей. А потом река начала сохнуть. Рыба ушла. Город стал умирать. Борин пришел ко мне. Он сказал: «Маркус, сделай что-нибудь. Ты же маг. Намочи дожди, примани рыбу». Я сказал, что не могу. Я иллюзионист, я не владею стихиями. Я не могу вызвать дождь там, где пересохли подземные ключи!

Маркус закашлялся, схватившись за грудь. — Тогда они пришли ночью, — продолжил он тише. — Шестеро. С топорами. Они... они сожгли мою аптеку. Сожгли все мои книги, все реактивы. Сказали, что я шарлатан, который наживается на горе. Выкинули меня из города. Все забрали. Дом, золото, имя...

Старик дрожал так сильно, что костер, казалось, подрагивал в такт его телу. — Я поселился здесь. Под мостом. Это единственное место, где меня не мочит дождь. Я собирал корни, чтобы не сдохнуть с голоду. И я... я разозлился. Я создал его. — Призрака? — уточнила Лирия. — Олицетворение их горя, — кивнул Маркус. — Я взял свои последние реагенты. Серебро, чтобы ловить свет луны. Мои слезы, чтобы напитать форму скорбью. И немного... немного магии крови, чтобы привязать иллюзию к камню моста. Я хотел, чтобы они испугались. Чтобы Борин понял, каково это — терять все. Я не думал, что оно станет настоящим! Я не думал, что оно начнет... пить их жизни.

Элронд медленно подошел к старику. Он присел на корточки, нависая над ним темной громадой. — Ты идиот, Маркус, — сказал маг тихо, без злобы. В его голосе звучала лишь бесконечная, профессиональная усталость. — Ты смешал световую магию, некротический резонанс и собственную жизненную силу. Ты не создал иллюзию. Ты создал голема из отчаяния. И теперь он питается. Ты отдаешь ему свои годы, чтобы он забирал годы у горожан. Посмотри на свои руки.

Старик опустил взгляд. Его руки были похожи на птичьи скелеты, обтянутые пергаментом. Кожа была серой, туго натянутой на кости. — Я... я не могу его остановить, — прошептал Маркус. — Я пытался. Но он теперь сильнее меня. Он держит меня здесь. Если я уйду далеко от моста, он... он рвет мою душу.

Элронд выпрямился. — Лирия. — Да? — она все еще держала старика на прицеле, но палец лежал вдоль ложа лука. — Убей его.

Маркус вскинул голову. В его безумных глазах на мгновение вспыхнул ужас. — Что? Нет! Я же... я просто хотел... — Ты убийца, — отрезал Элронд. — Может, ты не хотел убивать старуху Миру, но ты это сделал. И ты продолжишь это делать. Твоя иллюзия уже обрела подобие самосознания. Скоро ей не понадобится твой разум, чтобы поддерживать форму. Она простоит здесь и после твоей смерти, пока не высосет всю долину досуха. — Но я... я могу все исправить! — Маркус пополз к нему на коленях, протягивая костлявые руки. — Я знаю формулу развоплощения! Мне нужен только катализатор! — У тебя нет сил на формулу, — Элронд брезгливо отступил на шаг. — Ты пустая оболочка.

Лирия натянула тетиву. Обсидиановое наконечник стрелы поймал зеленоватый свет магического костра. — Элронд, — тихо позвала она. — Он просто старый, сошедший с ума дурак. Он не похож на зло. Он похож на сломанную вещь. — Сломанные вещи топят в реке, — ответил маг, не глядя на нее. — Это милосерднее, чем оставить его гнить. Решай быстрее, ледышка. Мои доспехи начинают остывать от близости этой пещеры, и мне это не нравится.

Лирия посмотрела на Маркуса. Потом на Элронда. В ее голове пронеслись образы: покинутый эльфийский Лес, холод, который стал ее единственным другом, и тьма в глазах Элронда, которая всегда пугала ее своей глубиной. Она плавно опустила лук. — Убери стрелу, — бросила она Элронду. — Мы не будем его убивать. — Лирия, он опасен. — Мы — тоже, — она подошла к старику и рывком подняла его на ноги. Он оказался удивительно легким, почти невесомым. — Но нас сдерживает контракт. Его сдерживает безумие.

Она повернулась к магу. — Ты сказал, он смешал магию. Значит, смесь можно разделить. Элронд, ты можешь поглотить структуру иллюзии? Твоя тьма питается негативом. Это же шведский стол для тебя.

Элронд замер. Его скрытые глаза смотрели на Лирию, затем на дрожащего старика, затем на зеленоватый костер. — Это рискованно, — медленно произнес он. — Если я впусу в себя структуру, созданную безумием, она может найти лазейку в моих собственных... демонах. — А если не сделаешь, мы либо убьем старика, либо оставим все как есть, — Лирия подтолкнула Маркуса к Элронду. — Выбирай.

Элронд долго молчал. Лирия видела, как ходят желваки на его челюсти. Он боролся не с магией. Он боролся с самим собой. — Хорошо, — наконец сказал он. — Но ты должна будешь

держат меня. Если я начну... меняться, если тьма попытается вырваться — бей меня. Не жалей. По голове. До темноты в глазах.

— Договорились, — кивнула Лирия, доставая из сумки моток зачарованной веревки.

Они связали Маркуса. Не для того, чтобы он не сбежал — старик едва стоял на ногах. Это нужно было для его же безопасности. Когда Элронд начнет работать, энергетические потоки могут просто разорвать хрупкое тело иллюзиониста на части.

Элронд встал в центр пещеры, прямо над тем местом, где под слоем ила скрывался фундамент моста. Он снял латные перчатки. — Лирия, — сказал он, не оборачиваясь. — Встань за мной. Положи руки мне на плечи. И молчи. Что бы ты ни увидела — молчи.

Она подошла вплотную. Холод ее доспехов смешался с жаром его тела. Она положила ладони в тонких кожаных перчатках на его наплечники. — Я здесь, — сказала она.

Элронд закрыл лицо руками. Сначала ничего не происходило. Затем зеленоватый свет костра начал меркнуть, втягиваясь в центр пещеры. Воздух стал тяжелым, густым, как смола. А потом Элронд закричал.

Это не был крик боли. Это был звук, с которым камень перемалывает кость. Его спина выгнулась дугой. Черная броня пошла трещинами, из которых хлынула не кровь, а вязкая, как деготь, тьма. Она не растекалась по полу — она стояла столбом, заполняя пещеру от пола до потолка.

Лирия сжала его плечи изо всех сил. — Держись, — прошептала она. — Только держись.

Тьма вокруг них пришла в движение. Она обрела форму. Из мрака соткался тот самый призрак с моста — огромный, воющий, источающий волны отчаяния. Но теперь он не стоял на месте. Он ринулся на Элронда.

Маг не защищался. Он открыл себя. Его тело стало воронкой, водоворотом. Призрак влетел в него и исчез. Элронд пошатнулся. Тьма, окутывавшая его, на мгновение стала багрово-вой, потом — иссиня-черной. — Слишком... много, — прохрипел он. — Оно... помнит все их слезы.

Лирия почувствовала, как его колени подгибаются. Она надавила сильнее, буквально удерживая стокилограммового мужчину в броне на весу. — Пей, — сказала она. — Это твоя работа. Пей и не подавись.

Процесс занял не больше минуты, но Лирии показалось, что прошла вечность. Тьма в пещере медленно оседала. Зеленоватый костер погас окончательно, сменившись обычным, рыжим пламенем от их походного огнива, которое Элронд зажег щелчком пальцев еще в начале.

Маг тяжело опустился на колени. Вевки, связывавшие Маркуса, лопнули от напряжения — не от того, что старик пытался вырваться, а просто истлели от близости высвобожденной магии.

Элронд поднял голову. Повязки на его глазах были насквозь мокрыми от черной жижи. Но когда он моргнул, тьма стекла по щекам, и Лирия увидела его настоящие глаза. Они были красными, воспаленными, но в них больше не было того пугающего, всепоглощающего безумия. Там была лишь звенящая пустота, которая наступает после того, как выпьешь чашу яда до дна. — Он мертв, — голос Элронда был хриплым, сорванным. — Иллюзия развеяна. На мосту теперь только ветер. — Ты как? — Лирия опустилась рядом, убирая лук. — Хочу утопиться, — честно ответил он. — В бочке с элем. Там было столько горя, Лирия... Оно не их. Оно его. — Элронд кивнул на съжившегося в углу Маркуса. — Старик копил его годами. Каждая обида, каждый страх... он превратил их в яд и выплеснул на город.

Маркус тихо плакал, свернувшись клубком. Теперь, когда магическая подпитка исчезла, он выглядел просто дряхлым, больным стариком.

Элронд с трудом поднялся. Его доспех был покрыт копотью и изрезан глубокими царапинами, которых раньше не было. Он подошел к старику, поднял его за шиворот одной рукой

и поставил на ноги. — Вставай, — сказал маг. — П-пощадите... — заскулил Маркус. — Я не буду тебя убивать, — Элронд подтолкнул его к выходу из пещеры. — Это было бы слишком просто. Ты пойдешь в город. — Они меня разорвут! — Нет, — Элронд остановился у выхода, обернувшись. — Ты пойдешь к дому градоначальника. Ты постучишь в дверь. И ты, Маркус, вылечишь его. — Я... я не могу. У меня нет сил... — У тебя есть, — в голосе Элронда лязгнул металл. — Я оставил в тебе достаточно жизненной силы, чтобы ты мог исцелять еще лет десять. Но я забрал твою магию иллюзий. Навсегда. Попробуешь сплести световую форму — твои мозги вскипят. Попробуешь сбежать — я узнаю. Твоя аура теперь связана с моей. Я буду чувствовать тебя за лигу.

Маркус смотрел на него расширенными от ужаса глазами. — Вы... вы хуже демона, — прошептал он. — Я — разочарованный жрец, — усмехнулся Элронд. — А теперь пошел вон. И если через час Борин не будет стоять на ногах, я вернусь. И мы продолжим наш разговор о милосердии.

Старик, спотыкаясь и падая, полез по илистому склону наверх, к дороге.

Элронд вышел из пещеры. Лирия вышла следом. На мосту действительно было тихо. Туман исчез. Камни больше не источали холод. Только река тихо журчала под арками, возвращаясь в свое русло — Лирия заметила, что уровень воды заметно поднялся.

Они вернулись в «Усталый путник» под утро. Хозяин, увидев их, перекрестился еще раз, но промолчал.

Элронд рухнул на кровать прямо в броне и захрапел через секунду. Лирия раздела его, протерла лицо влажной тканью и долго смотрела на шрамы вокруг пустых глазниц. Битва с чужой болью оставила на нем тяжелый след.

Она села у окна. Достала из сумки флакон с лечебной эссенцией. Синеватая жидкость светилась в темноте. Лирия посмотрела на свои руки. Они все еще слегка дрожали. Не от холода. От того напряжения, которым она удерживала мага на краю пропасти.

Она откупила флакон. Вместо того чтобы выпить, она капнула несколько капель на свой лук. Дерево ясеня тихо зашипело, впитывая магию. Трещины на старой древесине, которые она не замечала раньше, начали затягиваться.

За ее спиной Элронд застонал во сне и перевернулся на спину. Лирия смотрела на светлеющее небо. Пепел все еще падал, но сегодня он казался просто снегом.

— Пятьдесят империалов, — тихо сказала она в пустоту комнаты. — Дешево отделались, градоначальник.

Она легла на соседнюю кровать, не снимая сапог, и закрыла глаза. Сон пришел мгновенно, тяжелый и черный, без сновидений. Впереди был Пик Ветров, и ей нужно было восстановить силы. Элронд, судя по его хриплому дыханию, нуждался в этом еще сильнее.

Глава 3. Пропавшая Графиня

Каэндвен встречал их запахом гнили и денег.

Спустившись с предгорий, где воздух был стерильным от холода и пепла, они окунулись в липкую, тяжелую атмосферу Нижнего города. Здесь пахло немытыми телами, сточными канализациями, жареной требухой и сладковатым дымом опиумных притонов. Но сквозь этот смрад, как стальное лезвие сквозь гниль, пробивался другой аромат — дорогих духов, воска и выделанной кожи.

Граф Вернон ди Фальконе ждал их в отдельном кабинете таверны «Золотой фазан». Это заведение было гнойником на теле Каэндвена, который притворялся жемчужиной. Сюда пускали только тех, чей кошелек звенел достаточно громко, чтобы заглушить крики убиваемых в подворотнях.

Граф сидел в углу, за столом, накрытым белоснежной скатертью, которая казалась кощунством в этом месте. Он был одет в безупречный камзол из черного бархата, расшитый серебряной нитью. На его пальцах сверкали камни, способные прокормить семью ремесленника на год.

Но лицо графа было серым. Трехдневная щетина не могла скрыть глубоких теней под глазами, а руки, держащие бокал с вином, мелко дрожали. — Вы пришли, — Вернон поднялся им навстречу. Его голос, обычно властный и громкий, звучал надтреснуто. — Я уже начал думать, что гильдия «Пепел» надо мной издевается. Прислать ледяную ведьму и падшего жреца... — Мы берем дорого, — перебила его Лирия. Она сбросила капюшон, и свет ламп отразился в ее серебристых волосах. — И мы не решаем семейные ссоры. Если ваша жена сбежала с конюхом, мы найдем их и выставим счет вам обоим.

Элронд молча прошел к столу, взял свободный стул, развернул его спинкой вперед и сел, положив руки на спинку, а подбородок — на руки. Он не снял капюшон, и тьма его глазниц сейчас казалась двумя дырами в черепе. От него пахло озоном, гарью и тем самым эхом чужой боли, которое он принес с моста.

— Это не ссора, — Вернон залпом допил вино. — Это похищение. Или убийство. Бланш... графиня... она исчезла. Из запертой изнутри спальни. Окна закрыты на стальные ставни. Дверь опечатана моей личной магической печатью. В комнате два гвардейца. Я вышел на пять минут, чтобы отдать распоряжение мажордому. Когда вернулся — печать сорвана, гвардейцы спят мертвым сном, а Бланш исчезла. Испарилась. — Телепортация? — Элронд впервые подал голос. Звук был похож на скрежет железа. — В моем доме нет порталных кругов, — покачал головой Вернон. — А для кастомного переноса нужна прямая видимость. Окна выходят во внутренний двор, там всегда полно слуг. Никто не видел вспышки. — Обыскали дом? — спросила Лирия. — Весь. От подвалов до чердаков. Перетряхнули слуг. Никто ничего не видел. Бланш просто... исчезла.

Элронд поднял голову. Тьма в его глазницах, казалось, сгустилась. — Вы ее боитесь, — констатировал он. — Вы боитесь свою жену больше, чем тех, кто ее украл. Вернон вздрогнул, словно его ударили. Он оглянулся на дверь кабинета, убедился, что она плотно закрыта, и наклонился через стол. — Бланш... она не та, за кого себя выдает, — прошептал он. — Наш брак — это сделка. Ее отец, старый барон, владел землями, которые блокируют мои торговые пути. Я получил земли, он — титул для дочери. Бланш всегда была... странной. Тихой. Она почти не выходит из своих покоев. Рисует. Пишет стихи. Но в последнее время... она начала задавать вопросы. О моих делах с гильдией «Пепел». О деньгах, которые проходят мимо казны. — Шантаж? — Лирия скрестила руки на груди. — Она решила вас прижать и наняла профессионалов. А те усыпили гвардейцев какой-то дрянью и вывели ее через черный ход. — Если бы, — Вернон горько усмехнулся. — Если бы она просто хотела денег, я бы отдал. Но вчера я

перехватил записку. Ее должны были передать какому-то человеку в трущобах. Бланш знала о моем... маленьком хобби. — Яд? — догадалась Лирия. — Экзотические яды, — кивнул граф. — Я коллекционирую их. Не для использования. Для науки. У меня есть образцы, которых нет даже у короля. В том числе «Поцелуй Василиска».

Элронд медленно выпрямился. — «Поцелуй Василиска» убивает за три удара сердца, парализуя нервную систему так, что жертва умирает с улыбкой на лице. Противоядия не существует. Кроме одного. — Кроме того, что хранится в моей лаборатории, — закончил за него Вернон. — Бланш не воровала яд. Но она знала, где он лежит. Похитители — кто бы они ни были — знают об этом. Они взяли ее, чтобы добраться до моего сейфа. Они думают, что она знает код. — А она не знает? — прищурилась Лирия. — Никто не знает, — отрезал граф. — Даже я открываю его через кровь. Но похитители об этом не догадываются. Они будут пытаться ее. А Бланш... она не выдержит. Она сломается от одного вида раскаленных клещей. Мне нужно, чтобы вы нашли ее. Живой. Код сейфа я скажу вам, когда вы ее найдете. Вы заберете яд, отдадите его им, а я заберу жену. — А потом? — спросил Элронд. — Что будет с теми, кто посмел тронуть вашу жену? Вернон улыбнулся. Это была страшная, неживая улыбка, от которой Лирии стало холоднее, чем на Пике Ветров. — Это мой дом, господин маг. Мои правила. Главное — верните мне Бланш. И принесите флакон с «Поцелуем». Если он пропадет, я скормлю вас крысам. Оплата — пятьсот империялов. Аванс — сто.

Элронд поднялся. Его фигура нависла над графом, заслонив свет. — Двести аванс, — сказал маг. — И мы берем задаток сейчас. Если ваша жена мертва, яд нам не понадобится, а время будет потрачено.

Вернон побледнел, но спорить не стал. Он достал из внутреннего кармана тяжелый кошель. — Она жива, — сказал он, передавая золото. — Я бы почувствовал, если бы она умерла. — Вы бы почувствовали только то, что ваша страховка обесценилась, — Элронд забрал кошель. — Где трущобы? — Квартал Гончаров. Трактир «Слепая свинья». Там ошивается всякая шваль. Человек, которому предназначалась записка, должен быть там. Его зовут Гнилой. Одноглазый, без левой руки.

Квартал Гончаров встретил их чадом печей и грязью по щиколотку. Здесь лепили горшки из той же глины, в которую превратились бы мечты любого, кто рискнул бы поселиться в этом месте.

«Слепая свинья» полностью оправдывала свое название. Вывеска покосилась, окна были затянуты бычьим пузырем, который не мыли, кажется, со времен Войн Разлома.

Внутри было темно, дымно и тесно. Пахло кислым пивом, потом и кровью. За столами сидели люди, на лицах которых было написано их криминальное прошлое: клейма каторжников, отрезанные уши, шрамы от ритуальных ножей.

Лирия и Элронд вошли, и разговоры стихли. Не потому, что они выглядели богато — их дорожная одежда была покрыта пеплом. Но от Элронда волнами расходилась аура такой концентрированной угрозы, что даже самые пьяные головорезы инстинктивно вжимались в лавки. Лирия же шла с грацией хищника, и ее рука постоянно лежала на колчане.

Они подошли к стойке. Бармен — огромный детина с перебитым носом — вытирал кружку грязной тряпкой. — Гнилой, — бросил Элронд. — Где сидит? Бармен медленно поднял глаза. Его взгляд скользнул по броне мага, по рукояти фальшиона, по ледяному луку за спиной Лирии. — Второй этаж. Красная дверь. Но он сегодня не в духе. К нему уже заходили люди графа. Вышли... быстро. — Мы выйдем медленнее, — пообещал Элронд.

Красная дверь оказалась заперта на засов изнутри. Элронд не стал стучать. Он просто положил ладонь на дубовые доски. Тьма стекла с его пальцев, просачиваясь сквозь дерево, как вода. С той стороны раздался испуганный вскрик, звон разбитого стекла и тяжелый удар —

кто-то упал со стула. — Открывай, — голос Элронда прозвучал прямо из-за двери, изнутри комнаты. — Или я выжгу замочную скважину вместе с твоим лицом.

Засов лязгнул. Дверь приоткрылась на ширину ладони. В щели показалось заросшее щетиной лицо. Одного глаза действительно не было, на его месте белел старый шрам. Вместо левой руки — пустой рукав, пристегнутый к плечу. — Чего надо? — просипел Гнилой. — Я ничего не знаю про графиню. — Зато мы знаем, — Лирия мягко отодвинула Элронда в сторону и шагнула вперед. Она не угрожала. Она просто смотрела на него своим пронзительным, стальным взглядом. — Записка. Которую тебе передал посыльный графа три дня назад. От женщины. Она просила о встрече.

Гнилой сглотнул. Его единственный глаз бегал от лица Лирии к темной фигуре Элронда. — Я... я не при делах. Мне дали монетку, я должен был ждать ответа. Ответа не было. — Где встреча? — Лирия положила руку на дверь, не давая ее закрыть. — Старые катакомбы под Храмом Трех Огней, — быстро затараторил Гнилой. — Там, где обрушился свод. У четвертого перекрестка. Сегодня в полночь. Они должны были принести выкуп... то есть, граф должен был принести яд. Я просто посредник! Я ничего не делал! — Ты лжешь, — тихо сказал Элронд.

Гнилой побелел как полотно. — Клянусь! Я только... — Ты знаешь, кто она, — маг наклонился ниже. Его скрытые глаза, казалось, смотрели прямо в мозг одноглазого. — Ты видел ее раньше. Не как графиню. — Я... я работаю в порту иногда... — прохрипел Гнилой. — В «Ржавом якоре». Она приходила. Всегда в плаще. Сидела в углу. Заказывала воду. Смотрела на корабли. Она не похожа на благородную. Она... она смотрела так, будто хочет сжечь весь мир.

Элронд выпрямился. — Достаточно.

Он схватил Гнилого за ворот рубахи одной рукой и легко, словно котенка, выдернул из-за двери в коридор. — Передай своим друзьям в катакомбах, — сказал маг, впечатывая одноглазого в стену. — Что мы придем вместо графа. И мы не будем торговаться. Он разжал пальцы. Гнилой сполз по стене на пол, хватая ртом воздух.

До полуночи оставалось три часа.

Элронд хотел идти в катакомбы немедленно, вырезать всех, кто там окажется, и забрать графиню силой. Лирия остановила его в переулке, схватив за плечо. — Стой. Если Бланш там, штурм по трупам — худшее, что мы можем сделать. Мы не знаем, сколько их. У них заложница. Если начнется бой, они перережут ей горло раньше, чем ты успеешь сплести первое заклятие. — Я могу накрыть весь квартал Тенью Безмолвия, — прорычал Элронд. Его броня тихо гудела от сдерживаемой ярости. — Никто даже не пикнет. — И задавишь ее вместе с ними, — Лирия не отпускала его плечо. — Элронд. Посмотри на меня.

Он перевел на нее взгляд. Красные радужки на фоне черной бездны зрачков. — Мы сделаем по-моему, — сказала она. — Тихо. Ты прикрываешь. Я иду на сделку. Я выдаю себя за курьера графа. Ты страхуешь из теней. Как только я увижу Бланш и пойму, что она цела, ты можешь жечь. Но до этого момента — ни звука.

Элронд долго смотрел на нее. Затем его плечи опустились. Напряжение, державшее его, как струна, немного спало. — Хорошо, — кивнул он. — Но если они тронут тебя... — Они не тронут, — Лирия позволила себе легкую, холодную улыбку. — Они увидят женщину с дорогим луком и решат, что я легкая добыча. Это будет их последняя ошибка.

Катакомбы под Храмом Трех Огней были старой дренажной системой. Сейчас они пахли сыростью, плесенью и озоном. У четвертого перекрестка, где сходились четыре тоннеля, горел одинокий факел. Под ним стоял стол, на котором лежала бархатная подушечка. На подушечке покоился флакон из черного стекла — «Поцелуй Василиска». Жидкость внутри светилась ядовито-зеленым.

С другой стороны стола, в тени, сидели трое. Двое — громилы с мясницкими тесакми. Третий — человек в дорогой, но заляпанной грязью мантии мага. Он нервно постукивал пальцами по столу. — Где Вернон? — спросил маг, когда шаги Лирии эхом разнеслись по тоннелю. — Граф нездоров, — Лирия вышла в круг света. Она сняла капюшон. — Он прислал меня.

Маг окинул ее оценивающим взглядом. Сверху вниз. Задержался на вырезе кожаного корсета, прошелся по бедрам. Его губы искривились в похотливой ухмылке. — Граф прислал шлюху, чтобы передать яд стоимостью в полкоролевства? — он рассмеялся. — Похоже, Вернон совсем отчаялся. Или ты украла ее лицо? — Я — доверенное лицо, — Лирия подошла к столу, но не сделала попытки взять флакон. — Покажите товар.

Маг щелкнул пальцами. Из темноты одного из тоннелей вышли еще двое. Они тащили за руки женщину. Бланш ди Фальконе.

Она была одета в простую серую робу, которая висела на ее хрупких плечах. Волосы, обычно уложенные в сложную прическу, были растрепаны. На щеке наливался багровым цветом синяк. Но самым страшным были ее глаза. Огромные, полные животного ужаса. Она смотрела на Лирию, потом на мага, и ее губы беззвучно шевелились, словно она молилась. — Как видите, цела, — ухмыльнулся маг. — Почти. Мы были... нетерпеливы. Она не хотела говорить, где код от сейфа. Но она сказала, что яд может нейтрализовать только ее муж. И только в своей лаборатории. — Он сказал, что отдаст его здесь, — Лирия сохраняла ледяное спокойствие, хотя внутри все сжалось от ненависти. — Он солгал, — маг встал. — Как и вы. Я знаю, кто ты, красавица. Твоя походка. Твои руки. Ты не курьер. Ты — наемница. Гильдия «Пепел».

Он выбросил руку вперед. С его пальцев сорвалась молния.

Лирия не стала уклоняться. Она приняла удар на «Щит Тишины» — заклятие, сотканное из уплотненного воздуха. Молния с треском разбилась о невидимую преграду в дюйме от ее груди, рассыпавшись снопом искр. — Ошибка, — сказала Лирия.

Это было сигналом.

Тьма в тоннеле за спиной мага сгустилась в абсолютный, непроницаемый мрак. Из этого мрака шагнул Элронд. Он не стал тратить время на громил с тесакми. Он шел к магу.

— *Necro tenebrisque!* — взвизгнул маг, выставя перед собой светящийся щит.

Элронд ударил в него не огнем и не молниями. Он ударил чистой Тенью. Черная волна, пахнувшая склепом и раскаленным железом, врезалась в световой купол. Раздался звук, с которым рвется плотная ткань. Щит мага лопнул.

Элронд схватил противника за горло. — Ты посмел... — прошипел маг, пытаясь сплести новое заклятие, — посмел наложить руки на... — На жену моего нанимателя, — Элронд сжал пальцы.

Кости шеи мага хрустнули, но не сломались. Вместо этого тьма из руки Элронда потекла в тело чародея. Кожа мага стремительно почернела, иссохла и пошла трещинами, как старая глина. За секунду из человека он превратился в мумию, которая рассыпалась в прах прямо в хватке мага.

Громилы с тесакми замерли на месте. Ужас парализовал их быстрее, чем магия.

Элронд повернулся к ним. Его доспехи дымились. — Бросьте железо, — сказал он. — Или умрете, не успев понять, что вас убило.

Один из них выронил тесак и бросился бежать в темноту тоннеля. Элронд не стал его преследовать. Он просто дунул в раскрытую ладонь. Сгусток тьмы сорвался с его руки, пролетел двадцать локтей и ударил беглеца между лопаток. Тот упал лицом вниз и больше не пошевелился. Тьма начала стремительно пожирать его плоть, оставляя лишь почерневший скелет.

Второй громила упал на колени, закрывая голову руками. — Пощади! Я просто нанялся! Я ничего не делал! — Ты стоял на страже, пока твои дружки били женщину, — Элронд подошел к нему. — Это делает тебя соучастником.

Лирия в это время уже была рядом с Бланш. — Мы от графа, — тихо сказала она, беря графиню за ледяные руки. — Вы в безопасности. — Они... они дали мне выпить что-то, — прошептала Бланш, ее зубы стучали. — Воду... сказали, если я закричу...

Лирия принялась к горлу графини. Запах был едва уловим — сладковатый, миндальный, с металлическим привкусом. — «Слеза Офиона», — констатировала она. — Паралитик. Не смертельно, но блокирует волю и вызывает панические атаки при попытке сопротивления. Они хотели сломать вас, не оставив следов на теле.

Она достала из поясной сумки маленький флакон с непрозрачной белой жидкостью. — Выпейте. Это «Белая Дева». Горько, но через десять секунд вы сможете стоять.

Бланш послушно открыла рот. Лирия влила эликсир. Графиня закашлялась, ее лицо исказилось от горечи. А затем ее глаза прояснились. Паника никуда не ушла, но к ней добавилось осознание. Она посмотрела на дымящиеся останки мага, на коленопреклоненного бандита, на Элронда, который методично, без злобы, ломал громиле пальцы, выбивая из него информацию о других убежищах. — Святая Дева... — выдохнула Бланш. — Он нанял чудовищ. — Он нанял профессионалов, — поправила Лирия, помогая графине встать. — Мы возвращаемся в поместье.

Обратный путь через катакомбы занял меньше времени. Элронд шел впереди, и коридоры, казалось, сами расступались перед ним. Когда они выбрались на поверхность, у старого кладбища, Бланш пошатнулась. Лирия едва успела ее подхватить. — Яд... — прошептала графиня. — Тот флакон... «Поцелуй Василиска»... они подменили его.

Лирия резко остановилась. — Что? — Когда маг... когда он рассыпался... я видела. На подушке лежал муляж. Стекло и подкрашенная вода. Настоящий яд они забрали. Они знали, что Вернон не придет сам.

Элронд развернулся. Его лицо, обычно напоминающее маску, исказилось от ярости. — Вернон, — процедил он. — Сукин сын. — Он нас убьет, — Бланш вцепилась в рукав Лирии. — Он решит, что мы сговорились с похитителями и украли яд. Он спустит на нас всю стражу Каэндвена. — Он не спустит, — Лирия посмотрела на Элронда. Тот медленно кивнул. — Мы идем в поместье, — сказал маг. — Но не для того, чтобы отдать яд.

Ворота поместья ди Фальконе были открыты. Внутри горел свет, но какой-то странный, тревожный. Они вошли в холл. Граф Вернон стоял у подножия главной лестницы. В руках он держал арбалет. Дорогой, инкрустированный перламутром, но смертельно опасный. А рядом с ним, на ступенях, сидел человек в сером плаще. Человек поднял голову. Это был Гнилой. Целый и невредимый. И обе его руки были на месте.

— Я же говорил, что они приведут ее, — усмехнулся Гнилой, обращаясь к графу. — У них нет вашего яда. Я подменил его еще в катакомбах. У меня в рукаве был свинцовый муляж.

Вернон перевел арбалет с Лирии на Элронда. Его руки больше не дрожали. В них была стальная уверенность. — Бросьте оружие, — сказал граф. — Вы оказали мне услугу, вырезав этот мусор. Но яд мне нужен самому. — Для чего? — спросил Элронд. — Чтобы продать его дороже? — Чтобы убить короля, — спокойно ответил Вернон.

Лирия и Элронд замерли. — Король слишком часто заглядывает в мои отчеты, — продолжил граф, поводя арбалетом. — А гильдия «Медь» предложила мне за его голову столько золота, что я смогу купить себе собственное королевство. «Поцелуй Василиска» — идеальное оружие. Никто не поймет, от чего умер монарх. А Бланш... Бланш была просто приманкой. Я знал, что вы, идиоты из «Пепла», клонете на благородную даму в беде. Я знал, что вы вытащите ее. И я знал, что вы приведете ее сюда.

Он нажал на спуск.

Время для Лирии замедлилось. Она видела, как короткий болт срывается с ложа. Она видела, как тускло блестит его наконечник. Она не могла отбить его мечом. Не могла закрыть собой Элронда — граф был слишком хорошим стрелком, второй болт вошел бы точно в глаз магу.

Она сделала единственное, что умела делать быстрее мысли. Она выстрелила.

Лук в ее руках не издал ни звука. Обсидиановая стрела сорвалась с тетивы. Два снаряда столкнулись в воздухе, ровно посередине между графом и наемниками. Раздался тихий звон. Болт графа разлетелся в щепки. Стрела Лирии, потеряв цель, ушла в потолок, вонзившись в дубовую балку.

Элронд не стал ждать второго выстрела. — *Ignis Abyssi!* — прорычал он.

Он не выпустил фаербол. Он открыл под ногами графа и Гнилого портал. Не в Бездну — это было бы слишком долго и громко. Он открыл его в раскаленное ядро земли, на долю секунды соединив пространство.

Из черного круга на полу ударил столб жара и жидкого камня. Вернон не успел даже закричать. Пламя поглотило его, мгновенно испарив кровь и плоть, оставив лишь обугленный силуэт, который тут же рухнул на мраморный пол. Гнилого отбросило взрывной волной. Он пролетел через весь холл и врезался в статую какого-то предка ди Фальконе. Статуя устояла. Гнилой — нет. Его позвоночник с хрустом сломался о гранитное основание.

В холле запахло озоном, гарью и жареным мясом.

Элронд стоял, тяжело дыша. По его вискам тек пот. Создание такого портала на весу, без рунического круга, выжгло его до дна.

Лирия медленно опустила лук. Она подошла к Бланш. Графиня сидела на полу, обхватив колени руками, и смотрела на обугленный труп своего мужа. На ее лице не было слез. Только пустота. — Он... он хотел убить короля, — прошептала она. — А я... я была просто наживкой. — Вы были заложницей, — Лирия присела рядом. — Теперь вы — вдова. И владелица земель, которые блокируют торговые пути.

Бланш подняла на нее взгляд. В глазах графини впервые за все время вспыхнул огонек. Это был не ужас. Это был холодный, расчетливый блеск. — Гильдия «Медь» не знает, что курьер мертв, — сказала Бланш, поднимаясь на ноги. Ее голос внезапно стал твердым, как сталь. — У меня есть их задаток. И есть муж, который «пал жертвой грабителей».

Она посмотрела на Элронда. — Вы оказали мне услугу, — сказала она. — Вы избавили меня от жестокого мужа и дали мне свободу. А заодно уничтожили человека, который пытался вас обмануть. Элронд стер сажу с лица рукавом. — Двести империалов аванса мы оставим себе, — сказал он. — За моральный ущерб. И за лечение вашего отравления «Слезой Офиона». — Пятьсот за контракт, — добавила Лирия, убирая стрелу в колчан. — И мы забудем, что ваш муж собирался отравить монарха.

Бланш ди Фальконе, графиня-вдова, слабо улыбнулась. Улыбка сделала ее лицо почти красивым. — Вы получите тысячу, — сказала она. — И письмо с рекомендациями к любому ювелиру Каэндвена. Я умею быть благодарной.

Она перешагнула через тело мужа и пошла вверх по лестнице, в свои покои.

Элронд и Лирия остались стоять в разгромленном холле. — Интересная семейка, — протянул маг, вытаскивая из кармана кисет с табаком. — Думаешь, она действительно убила короля чужими руками? — Думаю, Каэндвен ждут интересные времена, — Лирия подошла к нему. Она достала из сумки последний флакон с «Белой Девой» и протянула ему. — Пей. Ты выглядишь так, будто сейчас рассыплешься.

Элронд взял флакон. Его руки все еще подрагивали от отката магии. Он залпом выпил эликсир. — В Каэндвене всегда интересные времена, — сказал он, возвращая флакон. — Именно поэтому мы берем золотом, а не обещаниями.

Они вышли из поместья. Ночной воздух показался им удивительно свежим после запаха горелой плоти. Пепел снова падал с неба. Лирия подставила ладонь, поймав серую снежинку. — Куда теперь? — спросила она. — Пик Ветров? — Еще пару дней, — Элронд накинул капюшон. — Мне нужно восстановить каналы. Да и тебе не мешает выспаться без кошмаров. — У меня нет кошмаров, — привычно ответила Лирия. — Потому что ты спишь как убитая, — усмехнулся маг. — Пошли. Найдем «Слепой фонарь». Я чувствую, что Гривус приберег для нас что-то действительно мерзкое.

Они растворились в тених улиц Каэндвена, оставляя за спиной поместье ди Фальконе, где новоиспеченная вдова уже наверняка писала письма своим новым «партнерам» из гильдии «Медь». В мире наемников смерть была лишь статьей расходов, а предательство — рыночной конъюнктурой. И пока за это платили, Пепел и Лед всегда находили дорогу к цели.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.